

Играть, чтобы жить

ЮБИЛЕЙ

Русский актер потому лучший в мире, что страсть к игре для него не профессия, а способ жизни.

Когда великий Иван Москвин не был занят в спектакле, он приходил в Художественный, брал из реквизита детский гробик и ездил с ним на извозчике, рыдая в голос и привлекая всеобщее внимание. Нечто неизъяснимое, что было сильнее его, требовало выхода. Не случайно именно эту театральную легенду вспомнил Никита Михалков, представляя на своем вечере Людмилу Гурченко. После она, конечно, пела — балладу о вечной любви.

Гурченко в своих интервью выглядит слабой и даже трагичной, потом за это на себя и журналистов сердится, не понимая, что такая тональность по-человечески красит ее куда больше, чем победительный ореол париков и юпитеров, и любят ее преданно и нежно не за то, что она до сих пор сногшибательно смотрится на сцене в мини-юбке, а за терпение, веру и способность выстоять в самых драматических обстоятельствах. Эти качества воспитал в ней талант — он вообще ведет ее по жизни туда, куда ему, таланту, это нужно, иногда вовсе не считаясь с личными интересами своей хозяйки.

Когда на вчерашнюю харьковскую девочку, потрясшую педагогов на вступительных экзаменах в столичные театральные вузы своей четкой и сочным южным акцентом, обрушилась всенародная слава «Карнавальная ночь», она растерялась. Пылкая зрительская любовь, зажигающая «звезды», была, но то, что сопутствует жизни «звезд» во всех цивилизованных странах, — продюсеры, импресарио, отвечающие за выступления на публике, гардероб, поездки на фестивали и так далее, — отсутствовало. Вместо этого были голубые конверты с энной суммой денег, стыдливо принимаемые после концертов, потому что надо было на что-то жить. Кончилось все это фельетоном в главной газете страны и карикатурой, где артистку изобразили в виде краба, щупальцами гребущего со всех сторон купюры. Начинать тогда было куда как непросто, не то что теперь. Достаточно вспомнить

сломанные судьбы других блистательно заявивших о себе актрис: Татьяны Самойловой, Изольды Извицкой, Людмилы Марченко... Впрочем, наше государство всегда признавало только своих, запланированных «звезд», олицетворяющих «советский Голливуд», как, например, Любовь Орлова, и равнодушно гасило остальные. В известном смысле против Гурченко было в 1956-м и само время: то, что составляло ее главную творческую силу, весь этот шик, блеск, канкан и куплеты требовались экрану не в первую очередь, в дверь стучались другие героини. Наконец, чтобы задержаться на пьедестале, нужны были сильный тыл и мощная поддержка, их не было, и на всю жизнь осталась драма незащищенности, неприкрытости, и прирожденная актриса мюзикла с осиной талией и абсолютным музыкальным слухом на десятилетия осталась без тех ролей, которые были ей нужны как воздух.

Не так давно Гурченко сыграла даже не роль, а один нескончаемый монолог в телевизионном фильме Михаила Швейцера и Софьи Милькиной «Послушай, Феллини!». Сюжет его знаменателен: немолодая и не слишком удачливая актриса записывает на видео свое обращение к Феллини в тайной надежде, что тот захочет ее снимать. Наша неудавшаяся Джульетта Мазина выглядит карикатурно: черная короткая юбочка и белые колготки, претенциозные локоны и бутылочка коньяка, к которой она время от времени прикладывается для храбрости. Это жалкое создание ураганом носится по павильону, играет отрывки из своих прежних ролей, вспоминает свои замужества, рассказывает душераздирающую историю о том, как в некоем ДК актеры репетировали Тирсо де Молина, а потом ДК сдали СП: «Сейчас у нас процветает шоу-бизнес, порнобизнес». И надо всем этим — тоска, отчаянный вопль: «Роли, дайте роли, или я сойду с ума!» В телеинтервью Гурченко призналась, что ее наркотик — это публика, без

Людмила Гурченко

зрительского обожания она вянет, как цветок без воды. И ради этого — любые жертвы (вот, например, ее личный вариант решения вечной женской дилеммы «семья — работа»: «Считалось, «мама работает», меня или берегли, или вычеркивали, а потом привыкли и — обошлись»). Ради этого, по ее же словам из собственной книжки, «и кручусь, и верчусь, и наигрываю, и анекдотик, и шаржи, и пою, и копирую, и пару харьковских жаргонных словечек, и чечеточку». И так всю жизнь.

Но нужно-то совсем другое — режиссер. Ах, как бесконечно талантливым и необузданным в этой своей неиссякающей природной одаренности актрисам, как Гурченко или Татьяна Дорониная, нужен режиссер! Лучшее, что сыграно Гурченко в кино, имеет знаменитых соавторов: Алексея Германа в «Двадцати днях без войны», Андрона и Никиту Михалковых в «Сибириаде» и «Пяти вечерах», Эльдара Рязанова в «Вокзале для двоих». Через долгие десять лет после «Карнавальная ночь» появилась она на экране в образе простоволосой и истерзанной жизнью Марии из «Рабочего поселка» и навсегда утвердила себя уже не

певуньей-хохотушкой, а большой драматической актрисой. Ее официантка Вера из рязановского фильма не зря пела: «Не проиграв, не победить».

Так же вышло и в театре. Когда два года назад Гурченко, приглашенная Александром Ширвиндтом участвовать в его юбилейном спектакле по пьесе Радзинского, первый раз входила в репетиционный зал Театра сатиры, то с грохотом лопнула лампа, как бы салютуя той, чьи отчаянные танцы и монологи однажды, во время давнего показа, пришлось здесь не ко двору. Теперь уже мало кто помнит, что в шестидесятые она недолго работала в «Современнике», выходя на сцену только в эпизодических ролях «девушек из толпы», потом было три ввода в Театре киноактера — и все. В спектакле Театра сатиры «Поле битвы» после победы принадлежит мародерам» артистка сыграла великолепно. Именно благодаря ей политический фарс превратился в пронзительную историю о загубленной женской душе.

Этой ролью и двумя своими сольными вечерами, прошедшими недавно в Российском молодежном театре (телезрители увидят их в канун Нового года), Гурченко еще раз подтвердила, что ее жанр — это бенефис, когда она в центре внимания и играет словно в последний раз, сжигая себя. Как соотносится это с новой реальностью? О наступившем времени актриса, между прочим, замечательно точно сказала: «Кажется, теперь все можно, а все затихло. Не смогли переплюнуть самих себя, потому что запас плевков кончился, а больше ничего не было. Мы к свободе пришли без всякого запаса». Сегодня жизнь ее так же парадоксальна, как и у каждого из нас. Гурченко не только ездит с концертами в Америку (конечно, в основном к эмигрантам) и СНГ, но и выступает в ночных клубах, поет для сексуальных меньшинств. Отказывается от многих бессмысленных предложений в коммерческом кино, других, по существу, не имея. Мечтает о новой театральной работе. Выпускает компакт-диск «Грустная пластинка. Советские песни в джазе». А главное — в прежнем темпе одолевает свой круг, не позволяя себе даже в мыслях сойти с дистанции. Пусть у нее будет больше сил, а у тех, кто вокруг, больше великодушия.

Нина АГИШЕВА